

*Fantasy & Horror
Classics*

OUT OF THE
AEONS

BY H. P. LOVECRAFT

Говард Ф. Лавкрафт Вне времени

Сомнительно, что жители Бостона когда-нибудь забудут странное дело Кэбот Музея. Место, которое уделили газеты этой мумии, ужасные слухи, касающиеся ее, болезненный интерес к древней культуре в 1938 году, страшная судьба двух чужаков первого декабря этого же года - все это содействовало сотворению одной из тех классических легенд, которые, переходя от поколения к поколению, превращаются в фольклор и становятся ядром целого ряда странных событий.

Все, кажется, понимали, что во всех этих рассказах было опущено нечто очень жизненное и невероятно отвратительное. Первые описания состояния одного из двух трупов были очень быстро забыты, да и пресса не обращала внимания на странные изменения самой мумии. Публика удивлялась тому, что мумия не всегда лежала на месте. Теперь, когда таксидермия достигла огромных успехов, предлог, что распад мумии

запрещает ее экспозицию,
казался особенно неубедительным.

Как хранитель музея я в состоянии осветить все факты, которые были скрыты молчанием, но не хочу делать это при жизни. В мире, во Вселенной, случается такое, о чем лучше всего не знать широкой публике. Но я отказываюсь от этого мнения, которое создалось у нас во время всех этих ужасов и которое разделяют персонал музея, врачи, журналисты и полиция. Мне кажется, что дело такой научной и исторической важности не должно оставаться неизвестным. Вот почему я написал эти страницы.

Этот рассказ займет место среди разных бумаг, которые будут рассмотрены после моей смерти, и публикацию его я оставляю на совести тех, кто будет выполнять распоряжения по моему завещанию. Некоторые угрозы и необычные события последних недель убедили меня в том, что моя жизнь, как и жизнь других сотрудников музея, в опасности вследствие враждебности тайных азиатских и полинезийских культов и различных мистических сект.

Значит, вполне возможно, что исполнители завещания примут решение в самое ближайшее время.

Примечание: Профессор Джонсон умер внезапно и очень странной смертью от остановки сердца 22 апреля 1938 года. Бинтворт Мор, таксидермист музея, исчез в середине прошлого года. 18 февраля этого же года доктор Вильям Мино, наблюдавший за вскрытием в связи с делом, получил удар ножом в спину и на следующий день скончался.

Это ужасное дело началось, как я полагаю, в 1879 году, то есть задолго до того, как я стал хранителем музея. Тогда музей приобрел эту мумию, столь же мрачную, сколь и непонятную, у Восточной Транспортной компании. Само ее открытие было экстраординарным и тревожным, потому что она была найдена в склепе неизвестного происхождения и баснословно древним, на маленьком островке, внезапно появившемся в Тихом океане.

11 мая 1879 года капитан Чарльз Уэттерби, командующий грузовым судном "Эриданус", вышел из Веллингтона (Новая Зеландия) к Вальпараисо в Чили и

вскоре заметил на горизонте остров, не обозначенный ни на одной карте.

Явно вулканического происхождения, он возвышался над поверхностью океана, как усеченный конус. Небольшая группа моряков под командованием капитана

Уэттерби высадилась там и обнаружила на его крутых склонах следы длительного погружения, а на вершине - признаки недавнего разрушения, словно бы вызванного землетрясением. Среди обломков исследователи обнаружили массивные каменные блоки, по всей видимости, обтесанные человеческими руками, а также остатки стен циклопической кладки, какие встречаются на некоторых архипелагах Тихого океана и являются археологической загадкой.

В конце концов матросы нашли массивный склеп, принадлежавший, как им показалось, к гораздо более обширному зданию и располагавшийся очень далеко под землей; склеп, в углу которого притаилась страшная мумия. После минутной передышки, частично вызванной некоторыми барельефами на стенах, люди наконец согласились, правда не без страха и

протестов, перенести мумию на судно. Совсем рядом с мумией лежал цилиндр из неизвестного металла, содержащий рулончик тонкой голубоватой пленки со странными письменами, написанными таинственным серым пигментом. В центре зала было что-то вроде люка, однако у группы не было достаточно мощных орудий, чтобы открыть его.

Кэбот Музей, тогда только что основанный, узнав об этой находке, тотчас же принял меры, чтобы приобрести мумию и цилиндр. Тогдашний хранитель музея Шикман сам отправился в Вальпараисо и зафрахтовал шхуну, чтобы поехать и осмотреть склеп, где нашли мумию, но это путешествие оказалось напрасным. Когда судно дошло до указанного места, там не было ничего, кроме морских волн, и искатели поняли, что те же теллурические силы, которые вытолкнули остров на поверхность, теперь снова погрузили его в темные океанские глубины, где он прятался неисчислимы тысячелетия. Теперь уже никто никогда не раскроет тайну того неподвижного люка.

Однако мумия и цилиндр были куплены. Мумия была помещена в витрину в зале древностей музея в ноябре 1879-го.

Кэбот Музей - археологический, специализирующийся на остатках неизвестных цивилизаций. Это небольшое учреждение, не касающееся чистого искусства. Оно мало известно широкой публике, но весьма уважаемо многими специалистами всего мира. Кэбот Музей расположен в элегантном квартале Бичер Хилл, в Бостоне, в старинном частном отеле, к которому добавили еще одно крыло. До того как страшные недавние события обеспечили ему печальную славу, музей был гордостью респектабельных соседей.

Зал мумий находился в западном крыле дома (построенного в 1819 году) на втором этаже и, по мнению большинства историков и антропологов, содержал самую замечательную в Америке коллекцию такого рода. Там были экземпляры типично египетского бальзамирования, начиная с самых древних образцов Саккара до последних коптских седьмого века; мумии других цивилизаций, в особенности образцы доисторических индейцев, недавно

найденные на Алеутских островах; муляжи жертв Помпеи, сделанные путем заливки гипса в пустоты, оставленные телами в лаве; естественные мумифицированные трупы, найденные в рудниках или пещерах во всех частях света. Некоторые были застигнуты смертью в гротескных позах и еще сохранили на лице выражение немомого ужаса. Одним словом, тут было все, что может содержать коллекция такого рода. В 1879 году она, конечно, не была столь полной, как сегодня, но даже тогда она считалась замечательной. И эта неизвестная мумия, найденная в циклопическом склепе на эфемерном островке, больше всего привлекала посетителей.

Это была мумия мужчины среднего роста, неизвестной расы, застывшего в любопытном положении на корточках; лицо его с выступающей челюстью было полузакрыто руками, а сморщенные черты лица имели выражение такого беспредельного ужаса, что мало кто из зрителей мог спокойно созерцать его. Глаза, видимо навывкате, были плотно зажмурены; на лице и черепе сохранились остатки волос, цвет всего ансамбля

был унылым,
нейтрально-серым. Текстура мумии частично
выкрошилась, остальное
напоминало старую кожу, и это создавало
неразрешимую проблему, над которой
бились эксперты, тщетно пытаясь узнать или угадать,
каким образом тело
было подвергнуто бальзамированию. Клочки
неизвестной ткани, еще
сохранившие следы странных рисунков, плотно
прилегали к телу.

Трудно объяснить, чем именно эта вещь была
так страшна и
отвратительна. Прежде всего, она вызывала
необъяснимое чувство невыносимой
древности и абсолютной чуждости современной
жизни, но главным образом
поражало выражение безумного ужаса на этом
полузакрытом лице. Такой символ
бесконечного, нечеловеческого, космического страха
не мог не передаваться
зрителям, и они погружались в бесплодные
предположения.

Среди редких посетителей Кэбот Музея эта
реликвия очень древнего,
забытого мира скоро приобрела мрачную
известность, хотя спокойная
скромность учреждения помешала ей стать

привлекающей народ сенсацией, вроде "великана Кардиффа". В прошлом веке зрелищная вульгаризация еще не вторгалась, как ныне, в область науки. Естественно, ученые делали все что могли для классификации страшного экспоната, но все было тщетно. Рассматривались гипотезы о далекой цивилизации, видимые остатки которой сохранились в виде статуй на острове Пасхи. Научные журналы публиковали статьи, часто противоречивые, о древнем затонувшем континенте, вершины которого теперь представляют собой архипелаги Меланезии и Полинезии. Даты, приписываемые этой гипотетической исчезнувшей культуре, были слишком различными и необоснованными. Однако в некоторых мифах Таити и других островов нашли множество удивительно подходящих к делу указаний.

Любопытнейший цилиндр и пленку, покрытую неизвестными иероглифами, заботливо хранившиеся в библиотеке музея, осмотрели с величайшим интересом. Не было никакого сомнения в том, что они связаны с мумией; поэтому все исследователи сходились на том, что если

удастся проникнуть в тайну рулона и цилиндра, то и загадка мумии также будет раскрыта. Цилиндр, примерно восьми сантиметров в длину и чуть меньше двух в диаметре, был сделан из какого-то неизвестного переливчатого металла, сопротивляющегося любой попытке химического анализа и, судя по всему, нечувствительного ко всем реактивам. Он был закрыт крышкой из того же металла, на которой были выгравированы изображения, по всей видимости, символические, вызывающие, как это ни парадоксально, представление о неизвестной и непонятной геометрической системе.

Рулончик был не менее загадочным. Бледно-голубая тонкая пленка, не поддающаяся анализам, намотанная на стержень из того же металла, что и цилиндр, в развернутом виде достигала шестидесяти сантиметров. Довольно крупные иероглифы узкой линией шли в центре пленки и были написаны или нарисованы серым пигментом, точно так же не поддающимся никакому исследованию. Иероглифы не были похожи на знакомые лингвистам и

палеографам письма, поэтому расшифровать их никому не удавалось, несмотря на то, что фотокопии разослали всем известным экспертам в этой области.

Правда, некоторые ученые, интересовавшиеся оккультизмом и магией, находили смутное сходство между некоторыми иероглифами и примитивными символами, описываемыми или упоминаемыми в двух-трех очень древних и малопонятных эзотерических работах, вроде книги "Эйбона", которая восходит к забытой Гиперборее, фрагмента "Пиакотик", считающегося дочеловеческим, и чудовищно запретной книги "Некрономикон" безумного араба Абдуллы Аль Хазрада. Эти сходства, однако, не были неопровержимыми, а поскольку в то время не доверяли оккультным наукам, никто не потрудился разослать копии иероглифов специалистам-мистикам. Вполне вероятно, что если бы их познакомили с делом с самого начала, все могло бы пойти совсем по-другому. В сущности, любой читатель страшных "Безымянных Культур" фон Юитца мог бы с первого взгляда установить бесспорную связь между

ними и таинственными
письменами на пленке. Но в те времена мало кто
знал эту кощунственную
работу: первое ее издание было уничтожено в
Дюссельдорфе в 1839 году, в
1845-м появятся перевод Бредуэла, а в 1909-м был
опубликован сильно
сокращенный вариант. Но книга эта очень редкая.
Практически ни один
окультист, ни один ученый, интересовавшийся
эзотерическими культурами
далекого прошлого, не знали ничего до недавнего
разгула газетной сенсации
о необычном рулоне, который ускорил ужасную
развязку.

В течение полувека, последовавшего за
помещением странной мумии в
музей, ничего не происходило. Мрачный предмет
пользовался известностью
среди культурных людей Бостона, но и только. Что же
касается цилиндра с
рулоном, то о них якобы забыли после десяти
лет тщательнейших
исследований, окончившихся полным провалом. Кэбот
Музей был таким тихим,
таким консервативным, что ни одному репортеру и в
голову не приходило
зайти туда в поисках чего-либо, могущего привлечь

внимание жадной до сенсации публики.

Вторжение прессы началось весной 1931 года, когда не чрезмерно зрелищное приобретение странных предметов и необъяснимым образом сохранившихся трупов, найденных в склепах под развалинами замка в Оверни, принесло музею некоторую известность. Верный своей политике "популярности", "Бостон Билэр" послал одного из своих сотрудников сделать репортаж насчет этой покупки и велел ему подперчить статью, предназначавшуюся для воскресного издания всем тем, что можно найти интересного в этом музее. Этот молодой человек, Стюарт Рейнольдс, наткнулся на безымянную мумию и рассудил, что она будет куда более сенсационной, чем недавнее приобретение музея. Несколько статей о теософии, произведения таких писателей, как Льюис Спенс, гипотеза относительно пропавших континентов и забытых цивилизаций сделали так, что Рейнольдс страшно увлекся этой реликвией давно прошедших веков.

Репортер в скором времени надоел сотрудникам музея своими бесконечными вопросами, порой отражающими неглубокие знания, своей манией постоянно требовать перестановки предметов в витрине для того, чтобы сфотографировать их.

На нижнем этаже, в библиотеке, он долго осматривал цилиндр и рулон пленки, фотографируя их под разными углами. Он также требовал, чтобы ему показали все книги, имеющие хоть какое-то отношение к примитивной культуре и затонувшим континентам, и провел там несколько часов, делая заметки.

Наконец он ушел, правда только для того, чтобы отправиться в университет и посмотреть (если позволят) мерзкий запрещенный "Некрономикон", хранящийся в библиотеке.

Пятого апреля статья появилась в воскресном выпуске "Билэр" в сопровождении бесчисленных фотографий мумии, цилиндра, иероглифов, написанная в том особенном инфантильном стиле, который, по мнению "Билэр", привлекал клиентуру. Набитая ошибками, преувеличениями, сенсационностью,

статья получилась как раз такая, что привлекала внимание дураков. В результате наш мирный музей был наводнен болтливой, шумной и абсолютно некультурной толпой.

Конечно, были и умные, и эрудированные посетители, которых привлекла не ребяческая статья, а фотографии. Я прекрасно помню появившегося в ноябре весьма странного субъекта, смуглого, бородатого, в тюрбане, с каким-то неестественным голосом и тяжелым акцентом, с удивительно невыразительным лицом и в забавных нитяных перчатках на руках. Он назвал мне свой адрес в грязном квартале Вест-Энда, и свое имя - Свами Мандапутра. Этот тип был невероятно эрудирован в том, что касалось оккультизма, и его, кажется, искренне и глубоко взволновало поразительное сходство между иероглифами пленки и некоторыми знаками и символами древнего, забытого мира, о котором, как он говорил, многое знал интуитивно.

В июне известность мумии и рулона шагнула за пределы Бостона, и музей

со всего мира получал просьбы оккультистов и исследователей прислать им сведения и фотографии. Нашему персоналу это не нравилось, потому что мы, научное учреждение, лишены симпатий к мечтателям и к фантастике. Однако мы вежливо отвечали на все запросы. В результате этой нашей любезности в "Эколт Ревью" появилась документированная статья известного мистика из Нового Орлеана, Этьена Дорана Мариньи, в которой он указывал на идентичность некоторых любопытных геометрических рисунков на цилиндре и различных иероглифов на пленке с идеограммами ужасного значения (переписанными с древних монолитов или ритуальных тайн многих сект эзотерических фанатиков), приведенных в запрещенной "Черной Книге" Фон Юитца.

Мариньи напоминал о страшной смерти Фон Юитца в 1840 году, через год после публикации его страшной книги в Дюссельдорфе, и добавил несколько леденящих кровь комментариев о предполагаемых источниках информации Фон Юитца. В особенности он упирал на поразительное

сходство, соответствие рассказов, по которым Фон Юитц устанавливал связь между большей частью чудовищных идеограмм, воспроизведенных им. Нельзя было отрицать, что эти рассказы, в которых совершенно определенно упоминались цилиндр и рулон, имели явную связь с предметами, хранившимися в музее. Однако рассказы эти были до того экстравагантны, говорили о таких незапамятных временах и таких фантастических аномалиях древнего исчезнувшего мира, что им можно было не столько верить, сколько ими восхищаться.

Конечно, широкая публика была увлечена, потому что выдержки из статьи появились в прессе всего мира. Повсюду публиковались иллюстрированные статьи, повествующие о легендах "Черной Книги", распространяющиеся об ужасах мумии и о сходстве иероглифов и рисунков на цилиндре с символами, приведенными фон Юитцем. Они раздували безумную и бесстыдную сенсационность, пропагандируя невероятные теории и гипотезы. Число посетителей музея утроилось, и всеобщий интерес подтверждался избытком

почты, которую мы получали. Почты, в основном, глупой и гротескной.

Похоже, что мумия и ее происхождение соперничали с великим кризисом, который был главным предметом разговоров в 1931 и 1933 годах. Что же

касается меня, то главным эффектом этого коллективного безумия оказалось желание прочитать чудовищную книгу Фон Юитца в более позднем издании.

Чтение вызвало у меня головокружение и тошноту, и я рад, что не познакомился с отвратительным, более полным, неочищенным текстом.

Архаическое эхо, отразившееся в "Черной Книге", так близко подходило к рисункам и символам таинственного цилиндра с рулоном, что просто дух захватывало. Выскочив из бездны незапамятных времен, далеко за пределами известных нам цивилизаций, рас и земель, они вызывали в памяти исчезнувшую нацию и затонувший континент, существовавший на заре времен, - тот, который древняя легенда именовала Му и ветхие от пыли веков таблички

которого, написанные на языке нааль, говорили о цветущей стране, высоко цивилизованной уже двести тысяч лет назад, когда Европа была населена лишь гибридными существами, а исчезнувшая Гиперборея знала жестокий культ черного аморфного идола Цатова.

Говорилось о королевстве или провинции К'Наа на древней земле, где первые люди обнаружили громадные руины, оставленные теми, кто жил здесь ранее - неизвестными существами, пришедшими со звезд, чтобы существовать целые эпохи в нарождающемся мире, ныне забытом. К'Наа было священным местом, ибо из его лона поднимались высокие базальтовые горы Яддит-Го, увенчанные гигантской крепостью из огромных камней, бесконечно более древней, чем человечество, построенной отпрысками чужаков с темной планеты Юггот, которые колонизировали Землю до появления на ней жизни.

Сыновья Юггота погибли за миллионы лет до того, но оставили живое существо, чудовищное и ужасное, бессмертное. Своего адского бога, демонического покровителя Гатаноа. Он остался на

вечные времена в
подземельях крепости Яддит-Го. Ни один человек
никогда не забирался на
Яддит-Го и не видел вблизи этой кощунственной
крепости - только как
далекий, геометрически неправильный силуэт,
вырисовывавшийся на фоне неба.
Однако большинство людей было убеждено, что
Гатаноа по-прежнему там, в
темных глубинах, за металлическими стенами. Были и
такие, кто считал, что
Гатаноа следует приносить жертвы, чтобы он не
выполз из своего логова и не
стал посещать мир людей, как некогда посещал мир
сыновей Юггота.

Говорили, что, если не приносить жертв, Гатаноа
возникнет, как миазм
при свете дня, и спустится по базальтовым обрывам,
разрушая все, что
встретится на его пути, потому что ни одно живое
существо не может
созерцать не только самого Гатаноа, но и даже его
изображение, пусть самое
маленькое, не подвергнувшись трансформации,
которая более ужасна, чем
смерть. Все легенды детей Юггота уверяли, что вид
бога вызывает паралич и
жуткое окаменение, в результате которого жертва

внешне превращается в камень, в то время как ее мозг остается живым на протяжении тысячелетий, сознает течение времени, но бессилён что-либо сделать, пока случай и время не dokonчат разложение окаменевшей раковины и не предоставят возможность мозгу умереть. Чаще всего такой мозг, естественно, становится безумным задолго до этого спасительного освобождения. Да, говорили люди, никто не может видеть Гатаноа, но опасность от него и ныне так же велика, как и во времена сыновей Юггота.

Итак, в К'Наа был культ, они поклонялись Гатаноа и ежегодно приносили ему в жертву двенадцать воинов и двенадцать девственниц. Эти жертвы приносились на кострах в мраморном храме у подножия горы, так как никто не смел подняться по базальтовым стенам Яддит-Го и приблизиться к дочеловеческой цитадели наверху.

Власть жрецов Гатаноа была сказочной, ведь только от них зависела сохранность и безопасность К'Наа и всего континента Му от ужасных действий Гатаноа вне его подземного убежища.

В стране были сотни жрецов Темного Бога, все они подчинялись Главному Жрецу Аймас-Му, который выступал на празднике Нат впереди короля Тебов, гордо стоял, когда правитель падал ниц в святилище. У каждого жреца был мраморный дворец, сундук с золотом, двести рабынь и сто наложниц и власть над жизнью и смертью всех жителей К'Наа, кроме жрецов короля. Однако, несмотря на таких защитников, всегда имелось опасение, что Гатаноа выскользнет из глубины и тяжело пойдет по горе, сея ужас и окаменение. В последние годы жрецы запрещали жителям деревни даже представлять себе, каковым может быть вид бога.

В Год Красной Луны (соответствующий, по мнению Фон Юитца, 173-148 гг. до Рождества Христова) в первый раз человеческое существо осмелилось бросить вызов Гатаноа и его безымянной угрозе. Этого дерзкого еретика звали Т'юог, Великий Жрец Шеб-Ниггурата и хранитель медного храма Мозы с тысячью малышей. Т'юог долго размышлял над силами различных богов, и у него были странные сны и откровения насчет

жизни континента и предшествующих миров. В конце концов, он уверовал в то, что боги, покровительствующие людям, могут быть собраны против богов враждебных, и убедил себя, что Шеб-Ниггурат, Нуг и Яб, так же, как и Хиг, Бог-Змея, готовы выступить за человека против тирании и высокомерия Гатаноа.

По внушению Богини-Матери, Т'юог составил удивительную формулу на языке нааль, священном языке его ордена, - формулу, которая, как он считал, защищает ее носителя от власти Темного Бога. С такой защитой, думал он, смелый человек поднимется по страшным базальтовым склонам и проникнет - первым из людей - в циклопическую крепость Гатаноа. Перед лицом Бога, с поддержкой Шеб-Ниггурата и его сыновей, Т'юог сможет диктовать свои условия и освободит человечество от этой темной угрозы. Благодаря ему все люди будут свободны, и он будет пользоваться безграничным почетом. Он станет выше всех жрецов Гатаноа, и королевская власть, даже сама божественность, будут, без

сомнения, принадлежать ему.

Итак, Т'юог написал свою заветную формулу на свитке племени птагов - тонкой пленке, - что, по мнению Фон Юитца, могло быть внутренней поверхностью кишок исчезнувшего вида ящериц якит, и положил в гравированный цилиндр из неизвестного на Земле и привезенного Древними из Юггота металла лаг. Этот талисман, спрятанный под одеждой, должен был служить ему щитом против действия Гатаноа и, может быть, даже оживить окаменевшие жертвы Темного Бога, если это чудовищное существо появится и начнет свою разрушительную работу. И он решил подняться на страшную гору, где никогда еще не ступала нога человека, проникнуть в таинственную цитадель и встретить дьявольское создание в его собственном логове. Он не мог представить себе, что за этим последует, но надежда стать спасителем человечества придавала ему сил и укрепляла его волю.

Однако он не учел зависть и алчность жрецов Гатаноа. Узнав о его проекте, они испугались за свой престиж и свои привилегии в случае, если

Бог-Демон будет низложен, и громко протестовали против так называемого святотатства, уверяя, что ни один человек не сможет противиться Гатаноа и что всякая попытка бросить ему вызов окончится истреблением человечества, и здесь уже не помогут ни жрецы, ни магия. Выкрикивая все это, они надеялись повернуть общественное мнение против Т'юога, однако желание народа избавиться от Гатаноа и его вера в искусство Т'юога были настолько крепки, что все протесты жрецов оказались тщетными. Даже сам король, обычно бывший марионеткой в руках жрецов, отказался запретить Т'юогу это смелое паломничество. Тогда жрецы хитростью достигли того, чего не смогли сделать открыто. Имаш-Му, Верховный Жрец, вошел ночью в келью Т'юога и похитил металлический цилиндр. Он вытащил могучий талисман и заменил его другим, почти таким же по виду, но с другим текстом, который не имел никакой власти над Темным Божеством. Снова положив цилиндр в одежду Т'юога, Имаш-Му удалился, очень довольный. Едва ли Т'юог станет проверять

содержимое цилиндра. Считая себя защищенным истинным талисманом, еретик ползет на запретную гору и смело предстанет перед духом Зла Гатаноа, которого не оттолкнет никакая магия...

Жрецы Гатаноа теперь больше не проповедовали и не восставали против вызова дерзкого еретика. Пусть Т'юог действует, как хочет, и идет навстречу своей гибели.

Однако они заботливо хранили украденный свиток. Настоящий и могучий талисман, он передавался от одного Верховного Жреца к другому для того, чтобы использовать его в отдаленном будущем, если когда-нибудь возникнет потребность защищаться от Бога-Демона. Имаш-Му мог спокойно спать до того дня, когда настоящий рулон ляжет в новый цилиндр, сделанный для этой цели.

На Заре Дня Пламенного Неба (это название Фон Юитц не объяснил) Т'юог, сопровождаемый молитвами и песнопениями народа и благословениями короля, пошел к страшной горе с посохом из дерева тлат в руке. Под одеждой он нес цилиндр с настоящим, как он думал, талисманом. Конечно же, он не заметил

подмены и не услышал иронии в молитвах, распеваемых Имаш-Му и другими жрецами Гатаноа для защиты его предприятия.

Народ стоял все утро, наблюдая за силуэтом Т'юога, тяжело поднимающегося по базальтовым ступеням священного склона. Очень многие еще оставались на месте, даже когда он исчез за сплошным карнизом, окружавшим гору. В ту ночь некоторым казалось, что они видят на проклятой вершине какое-то движение, но, когда они говорили об этом, над ними смеялись. На следующий день громадная толпа наблюдала за горой, молясь и спрашивая, когда же вернется Т'юог. Так было и на следующий день, и дальше. Целую неделю народ ждал и надеялся. Но никто более не видел Т'юога, того, кто хотел освободить человечество от страха.

Отныне люди дрожали, вспоминая высокомерие Т'юога, и старались не думать о той каре, которая постигла его за безбожие. А жрецы Гатаноа улыбались и высмеивали тех, кто осмелился восстать против воли бога и отказать ему в принесении жертв. Впоследствии народ узнал о хитрости

Имаш-Му, но лучше всего было не задевать Гатаноа, и никто никогда уже не решался на это. Шли века, сменялись короли и великие жрецы, возвышались и падали нации, земли поднимались со дна морского и вновь уходили в бездонные пучины. За тысячелетия исчезла К'Наа, и, наконец, настал страшный день гроз и бурь, великих землетрясений, и приливная волна навеки поглотила землю Му.

Но, несмотря на все это, слухи о древних тайнах прошли по миру. В отдельных землях обнаружались бледные беглецы, пережившие гнев моря, и под чужими небесами поднимался дым от алтарей, поставленных исчезнувшим богам и демонам. Никто не знал, в каких безднах затонула священная гора с циклопической крепостью страшного Гатаноа, но кое-кто еще шептал его имя и предлагал ему жертвы, боясь, что он восстанет из океанских глубин, сея ужас среди людей.

Вокруг рассеянных по миру жрецов основывались рудименты тайного темного культа. Тайного потому, что народы этих новых земель имели своих

богов и отвергали чужих. И в лоне этого культа совершались отвратительные действия и поклонение странным предметам. Ходили слухи, что древняя линия жрецов-беглецов полумифической страны Му еще хранит подлинный талисман против Гатаноа, который Имаш-Му украл у спящего Т'юога, и никто из них не может расшифровать таинственный текст и даже не представляет, в какой части света находилась земля К'Наа, страшная гора Яддит-Го и титаническая крепость Бога-Демона.

Хотя культ этот расцвел главным образом в регионах Тихого океана, где некогда простирался континент Му, говорили о наличии тайного и презираемого культа Гатаноа в несчастной Атлантиде и на морском плато Линг. Фон Юитц давал понять, что приверженцы этого культа имелись в легендарном подземном королевстве К'найэн, и приводил довольно веские доказательства его проникновения в Египет, Халдею, Персию, Китай и в исчезнувшие семитские королевства Африки, а также в Мексику и Перу. Фон Юитц был недалек от утверждения, что ответвления

культы дошли и до Европы и имели тесную связь с колдовством, против которого тщетно гремели папские буллы. Запад, однако, не был достаточно благоприятной почвой для укрепления культа. Общественное негодование по поводу некоторых ритуалов и отвратительных жертвоприношений разрушило большинство ветвей. В конце концов этот культ стал преследуемым и еще более тайным, но корни его остались. Время от времени он возникал, главным образом на Дальнем Востоке, на островах Тихого океана, где его доктрины в какой-то мере смешивались с полинезийской эзотерической культурой Ареуя.

Фон Юитц делал слабые и беспокоящие намеки на реальный контакт с культом, так что я вздрагивал, когда читал о том, что говорили насчет его смерти.

Он говорил о развитии некоторых идей, касающихся аспекта Бога-Демона, существа, которого не видел ни один человек (за исключением Т'юога, который так никогда и не вернулся), и сравнивал эти гипотезы с табу,

преобладающим в древнем Му, где официально запрещалось думать о том, каков внешний вид этого ужаса. Он отмечал странную боязнь шушуканья приверженцев, тихих шепотков, болезненного любопытства по отношению к точной природе того, что Т'юог, возможно, увидел перед своим концом (если конец был), в том ужасающем дочеловеческом здании на горе, теперь поглощенной морем. Я чувствовал странную тревогу от коварных и уклончивых намеков немецкого эрудита.

То, что я прочел в "Черной Книге", достаточно подготовило меня к статьям в прессе и к событиям, которые начали привлекать внимание весной 1933. Не могу точно вспомнить, когда именно на меня стали производить впечатление участвовавшие сообщения о полицейских репрессиях против странных, фантастических культов Востока, но где-то в мае или июне я понял, что во всем мире происходит удивительная и лихорадочная активность в эзотерических или мистических организациях, обычно спокойных и стремящихся к тому, чтобы о них пореже вспоминали.

Не думаю, что я когда-нибудь установил бы связь между этой информацией и намеками Фон Юитца или общественным энтузиазмом, поднятым мумией и цилиндром из нашего музея, если бы не многозначительные слоги и бесспорное сходство - что с удовольствием подчеркивала пресса - между ритуалами и мистериями различных тайных сект, представленными вниманию широкой публики. Но я должен заметить с некоторым беспокойством, что в этих сведениях часто повторялось одно имя в различных искаженных формах. Оно, похоже, составляло центральную точку данного культа и явно рассматривалось со странной смесью почтения и ужаса. Это имя звучало то как Г'танто, то Танота, то Тхам-та, Татан или Тхан-Так, и я не нуждался в советах моих многочисленных корреспондентов, увлеченных оккультизмом, чтобы сблизить корневые основы всех этих имен и прийти к имени того, кого Фон Юитц назвал Гатаноа.

Были и другие волнующие детали. В очень многих сведениях цитировались неопределенные и боязливые намеки на

"истинный свиток", предмет
"величайшей важности и тяжелых последствий",
который должен попасть в руки
некоего "Нагоба"...

И опять имя, беспрестанно повторяющееся, но
написанное по-разному:
Тог, Ток, Жогили Коб, и мой возбужденный мозг
помимо моей воли сближал эти
имена с именем несчастного еретика Т'юога, о котором
говорилось в "Черной
Книге". Чаще всего его имя сопровождалось
загадочными фразами: "Не кто
иной, как он", "Он созерцал Его в лицо", "Он сознает
все, но не может ни
видеть, ни чувствовать", "Он помнит, как шли века",
"Подлинный свиток
освободит его", "Нагоб обладает подлинным свитком",
"Он может сказать нам,
где его найти".

В воздухе явно носилось что-то очень странное, и я
почти не удивился
тому, что мои корреспонденты-окультисты и все
воскресные газеты начали
устанавливать связь между ненормальным
воскрешением легенд Му и появлением
страшной мумии. Первые статьи, широко
распространившиеся в мировой прессе,
связывали мумию и цилиндр с рассказами из "Черной

Книги". Вполне возможно, что именно они разбудили этот заглохший фанатизм определенных тайных групп, сект и мистических ассоциаций во всем мире. И газеты не переставали подливать масла в огонь своими дурацкими статьями о лихорадочной активности этих культов.

В течение лета сторожа музея заметили новый элемент в толпе любопытных, которая после периода затишья была вновь подхвачена второй волной возбуждения. Все чаще странные посетители эзотерического вида - азиаты, бородатые негры, чувствовавшие себя неловко в европейской одежде, смуглые и волосатые субъекты - спрашивали, где находится зал мумий, и застывали перед отвратительным образом из Тихого океана в позе экстаза или очарования. В потоке этих иностранцев было что-то зловещее, что, казалось, действовало на сторожей. Даже я сам не мог избавиться от некоторого опасения. Я не мог не думать о недавнем ажиотаже вокруг этих культов и о связи между этим ажиотажем и мифами, слишком уж близкими к этой зловещей

мумии и ее цилиндру.

Иной раз я готов был убрать мумию из зала экспозиции, особенно в тот день, когда сторожа сообщили мне, что иностранцы, если их никто не видит, падают на колени перед мумией и бормочут что-то странное. Один сторож, похоже, имел странную галлюцинацию и уверял, что окаменевший ужас, лежа в своей витрине, сам собой чуть-чуть сдвинулся так, что скрюченные руки и выражение ужаса на лице немного изменились. Он не мог избавиться от страшной мысли, что эти выпуклые глаза вот-вот откроются.

В начале сентября, когда толпа любопытных стала менее плотной и иногда бывали случаи, что в зале мумий никого не было, впервые произошла попытка вырезать стекло в витрине с ужасным экспонатом. Виновный, смуглый полинезиец, был вовремя замечен сторожами и схвачен. Следствие установило, что это гаваец, известный своей деятельностью в различных тайных религиозных сектах, неоднократно судимый за аморальные и нечеловеческие ритуалы и кровавые жертвоприношения. Бумаги,

найденные в его комнате, выглядели загадочно и тревожно: там было множество листков, покрытых иероглифами, которые были точно подобны тем, что были на рулоне и на репродукциях "Черной Книги" Фон Юитца. Однако узнать от гавайца, что все это означает, не удалось.

Едва ли не через неделю после этого инцидента произошла новая попытка коснуться мумии - на этот раз путем взлома замка витрины - и кончилась вторым арестом. Виновный - сингалезец, с такими же судимостями за неблаговидные действия в запрещенных сектах, также отказался говорить с полицейскими. Самое интересное, а также и самое тревожное в этом деле было то, что сторожа не раз видели этого человека в зале мумий и слышали, как он очень тихо пел мумии странную литанию, где все время повторялось слово Т'юог. После этого случая я удвоил количество сторожей в зале и приказал им не спускать глаз с нашего, ставшего слишком известным экспоната.

Нетрудно догадаться, что пресса подхватила эти два инцидента и

раздула их, снова припомнив историю о сказочном континенте Му и смело утверждая, что отвратительная мумия и есть тот самый дерзкий еретик Т'юог, превращенный в камень существом в доисторической цитадели и сохранившийся в течение 175 тысяч лет жизни нашей планеты. Газеты утверждали, что виновники обоих инцидентов - приверженцы первоначальных культов Му, они поклоняются мумии и, возможно, даже хотят оживить ее посредством чар или заклинаний.

Журналисты настойчиво вспоминали старинную легенду, согласно которой мозг окаменевших жертв Гатаноа оставался живым и сознательным, что давало место самым диким гипотезам. Упоминание о "подлинном талисмане" тоже привлекло внимание прессы, и почти во всех газетах писалось, что талисман против Гатаноа, украденный у Т'юога, до сих пор существует, и приверженцы тайных культов пытаются войти в контакт с самим Т'юогом по каким-то своим причинам. Результатом этой новой сенсации явилась третья волна посетителей, заполнивших музей и глазевших разинув

рот на адскую мумию,
которая была источником всего этого шума.

Среди этой новой волны зрителей, многие из которых приходили повторно, начал циркулировать слух об изменении внешнего вида мумии. Я полагаю - если не учитывать впечатлений сторожа, о которых говорилось выше, - что мы все слишком привыкли к виду странных форм и поэтому не обращали внимания на детали. Однако, в конце концов, возбужденное бормотание посетителей привлекло внимание сторожей к малозаметной мутации, которая вроде бы происходила и в самом деле.

Дело тотчас же подхватила пресса, и легко себе представить, чего она только не навывдумывала.

Естественно, я стал внимательно присматривать за феноменом и к середине октября убедился в том, что мумия действительно разлагается. По каким-то причинам - быть может, под влиянием атмосферы - полукаменные-полукожаные волокна постепенно размягчились, ослабились и вызвали заметные перемены в положении членов и в некоторых деталях

искаженного страхом лица. После полувековой отличной сохранности такие изменения не могли не тревожить, так что я попросил таксидермиста музея, доктора Мора, тщательно осмотреть мерзкий предмет.

Таксидермист констатировал общую вялость и размягчение членов мумии и смазал ее специальными вяжущими средствами. На большее он не решился, боясь, что мумия вдруг полностью развалится.

Все это произвело на толпы любопытных довольно странный эффект. До сих пор каждая новая сенсационная статья в прессе привлекала в музей новые партии зевак, но сейчас, хотя газеты и не переставали говорить об изменениях в самой мумии, публика вроде бы начала сомневаться и даже испытывать страх к тому, что недавно вызывало ее болезненным любопытством. Над музеем словно нависла зловещая аура, и число посетителей постепенно сократилось до нормального. При уменьшении наплыва стали еще более заметны странные иностранцы, продолжавшие бывать в наших залах. Их число, казалось, не изменилось.

Восемнадцатого ноября перуанец индейской

крови вдруг упал в конвульсиях перед мумией, а потом кричал на больничной койке:

- Она пыталась открыть глаза! Т'юог хотел открыть глаза и посмотреть на меня!

Я уже совсем было собрался удалить мумию из зала, однако собрание наших администраторов, не желающих ничего менять, уговорило меня не делать этого. Но я понимал, что музей начинает приобретать мрачную репутацию в нашем тихом и строгом квартале. После инцидента с перуанцем я отдал приказ сторожам, чтобы те не позволяли кому-либо задерживаться перед чудовищной реликвией с Тихого океана более чем на три-четыре минуты.

Двадцать четвертого ноября, после закрытия музея, в семнадцать часов вечера, один из сторожей заметил, что веки мумии чуть-чуть приподнялись. Стал заметен узкий серпик роговицы каждого глаза, но и это было чрезвычайно интересно. Поспешно вызванный доктор Мор собирался через лупу осмотреть эти крошечные серпики, но пергаментные веки вдруг снова

закрылись. Все усилия поднять их были тщетны. Таксидермист не рискнул применить более радикальные меры. Когда он сообщил мне по телефону о произошедшем, я испытал ужас, совершенно несоизмеримый этому, судя по всему, простому инциденту. В течение нескольких секунд я разделял общее мнение и боялся, что из тьмы времен и глубины пространства вынырнет проклятие и обрушится на наш музей.

Через два дня молчаливый филиппинец пытался спрятаться в залах перед закрытием. В полиции он отказался даже назвать себя и был взят под стражу как подозреваемый.

И все же тщательное наблюдение за мумией, видимо, обескуражило странные орды эзотерических посетителей, и их число заметно уменьшилось после появления приказа "Проходить, не останавливаясь".

[Продолжение](#)